

великого князя Андрея Александровича никакo ж бысть до лет 6797-го, и тогда той князь постави мал град древян Москву на тое реки, и от того времени нача той град распространятися славою и величеством. . .»

Составитель свода опровергает и утверждение о якобы имевшем место в 1283 г. перенесении русской метрополии из Киева в Москву. При этом он также ссылается на соответствующие тексты «в русских древних летописцах» и приводит обширную выдержку из жития митрополита Петра

* *
*

Основная тенденция, установленная Д. С. Лихачевым в развитии позднего русского летописания, — «проникновение в летописание хронографического стиля, усиление чисто литературных сторон летописания в ущерб исторической точности»¹⁷⁹ — проявилась достаточно определенно, как мы видели, и в новгородских летописях XVII в. Этой тенденции обязаны своим появлением литературные реминисценции, вводимые часто в ущерб исторической достоверности, риторические распространения летописного текста, систематическое использование житий, обильное включение в летопись памятников чисто литературных и по своему содержанию порой явно легендарных (например, «История еже о начале Руския земли»). Сюда же следует отнести то обстоятельство, что ни в одном из новгородских сводов XVII в. не выдержана до конца хронологическая последовательность известий — по-видимому, составители не уделяли ей большого внимания.

Другая особенность летописания XVI—XVII вв. — сближение летописи с официальной документацией государственных архивов (обильное привлечение актов, статейных списков и т. п.)¹⁸⁰ — также проявилась и в новгородских сводах XVII в. Впрочем, прямое отражение приказной документации здесь вряд ли имело место, так как своды эти создавались в Новгороде, а не в Москве. Однако несомненен интерес составителей к документальным источникам вообще (тексты надписей, синодичные записи), систематически используемым наряду с чисто летописным материалом предшествующих сводов и местных летописцев.

Критика источников составляет, по-видимому, особенность новгородского летописания XVII в.¹⁸¹ Очевидно, в связи с этим находится и другая его черта (присущая также Синописису и некоторым другим памятникам XVII в.) — систематические ссылки на источники, предоставляющие читателю возможность проверки сообщаемых сведений.¹⁸² Думаем, что эти явления знаменуют собой начало нового отношения летописца к своему труду.

¹⁷⁹ Д. С. Лихачев. Русские летописи. . ., стр. 354.

¹⁸⁰ Там же, стр. 354—374.

¹⁸¹ «Первые элементарные предпосылки исторической критики» отмечены Д. С. Лихачевым уже в Повести временных лет (см.: Повесть временных лет, ч. II. М—Л., 1950, стр. 134—135), где составитель «вступает в обсуждение различных версий» используемых им устных показаний, исходящих от разных лиц (см.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии. — ВИ, 1948, № 9, стр. 29). Однако критики письменных источников в такой развитой форме, какую мы находим в Забелинском новгородском своде (см. выше, стр. 281), предшествующее летописание, по-видимому, не знало.

¹⁸² В этой связи следует отметить один новгородский летописец последней четверти XVII в., в начале которого помещен список использованных составителем источников (ГБЛ, ф. 247, № 295, л. 7—7 об.). Отдельные ссылки на источники (преимущественно устные) имели место в летописях и ранее (см.: Д. С. Лихачев. О летописном периоде русской историографии, стр. 30—31), однако они не носили сколько-нибудь систематического характера и были иногда очень глухими («глаголют бо» и т. п.).